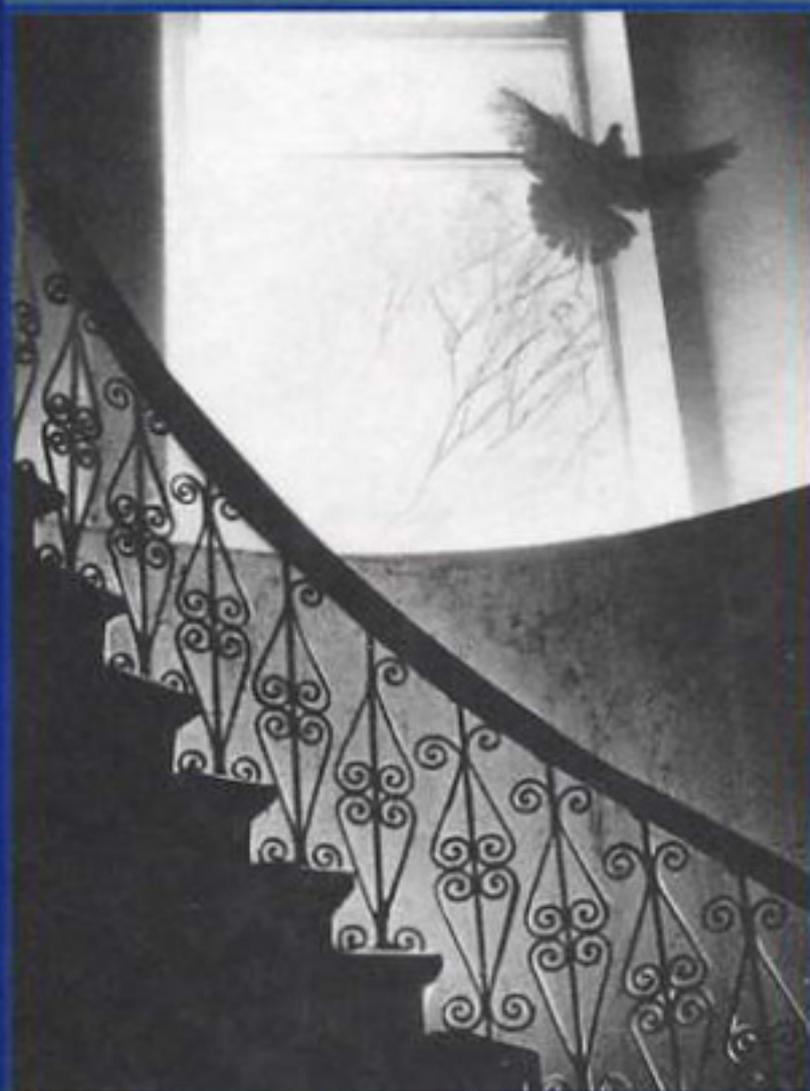

Н. Н. Китаев

**НЕПРАВОСУДНЫЕ
ПРИГОВОРЫ
К СМЕРТНОЙ КАЗНИ**

Николай Китаев

**Неправосудные приговоры
к смертной казни**

«Юридический центр»

2004

УДК 343.6
ББК 67.408

Китаев Н. Н.

Неправосудные приговоры к смертной казни / Н. Н. Китаев —
«Юридический центр», 2004

В книге с позиций системного анализа на примерах громких уголовных дел исследованы вопросы причин вынесения неправосудных приговоров к смертной казни. Показаны характерные истоки происхождения следственных и судебных ошибок в ситуациях осложненного расследования по делам об умышленных убийствах. Кроме того, впервые публикуются уникальные процессуальные документы, позволяющие читателям наглядно оценить степень доказанности вины настоящих и мнимых убийц. Предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей юридических факультетов высших учебных заведений, судебных экспертов, работников органов дознания, следователей, прокуроров, судей и адвокатов.

УДК 343.6
ББК 67.408

© Китаев Н. Н., 2004
© Юридический центр, 2004

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Николай Николаевич Китаев
Неправосудные приговоры
к смертной казни
Системный анализ допущенных ошибок

© Н. Н. Китаев, 2004

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004

* * *

От автора

Объективная исчерпанность и распад советского тоталитаризма, совпавшие с процессами демократизации и реформаторства, обусловили появление массы критических публикаций о деятельности прокуратуры, милиции и суда. Далеко не всегда эти материалы были выверенными и объективными, отчего по одному и тому же громкому уголовному делу можно встретить различные толкования выявленных фактов. В первую очередь журналистов и общественность интересовали ошибки следователей и судей.

В широком смысле слова понятием судебной ошибки охватывается любое неправильное решение суда по любому из вопросов, подлежащих разрешению в приговоре. Однако наиболее серьезной судебной ошибкой является осуждение невиновного, потому что оно причиняет реальный тяжкий ущерб личности осужденного. Если же невиновный осужден к смертной казни и приговор приведен в исполнение, то необратимые последствия такого судебного решения, безусловно, вызывают особенно громкий общественный резонанс.

Пока в кулуарах законодатели обсуждают направления судебной реформы, в следственных кабинетах каждый день ведутся допросы, а в залах судебных заседаний решаются чьи-то судьбы. И качество таких решений никогда не перестанет волновать людей.

В предлагаемой читателям книге рассмотрены следственно-судебные ошибки по пяти уголовным делам, когда невиновные осуждались к исключительной мере наказания. В двух случаях эти приговоры были приведены в исполнение... Шестое уголовное дело представляет резкий контраст с остальными, поскольку речь идет не о судебной ошибке, а о заблуждении одного из наиболее известных правозащитников XX столетия – академика А. Д. Сахарова.

Автор выражает глубокую признательность своему учителю – профессору В. И. Шиканову – за изучение работы и ценные замечания, касающиеся ее содержания.

Кроме того, автор от души благодарит за помощь в сборе материалов: судью Ростовского областного суда Л. Б. Акубжанова; заместителя председателя Иркутского областного суда Л. И. Коцарь и судью Иркутского областного суда Г. И. Федорову; начальника Восточно-Сибирского управления внутренних дел на транспорте Н. С. Пушкаря; бывшего первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайку; ответственных работников Генеральной прокуратуры РФ И. М. Костоева, Ю. И. Леканова, В. И. Паршикова; Восточно-Сибирского транспортного прокурора В. Н. Андриянова и его заместителя С. В. Стрельца; заместителя Бурятского транспортного прокурора Ю. П. Гармаева и заместителя Иркутского транспортного прокурора К. А. Геворкяна; следователя по особо важным делам Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры Б. А. Ринчинова.

Автор также признателен за письма, позволившие облегчить поиск нужных источников, заместителю начальника Московского института МВД РФ – бывшему начальнику Главного управления уголовного розыска МВД России Н. П. Водько; петербургским ученым: доктору юридических наук, профессору Г. А. Густову и доктору медицинских наук В. Н. Касаткину; доктору юридических наук, профессору В. А. Образцову (г. Москва), супруге академика А. Д. Сахарова – Е. Г. Боннэр.

Глава 1

Причины следственных и судебных ошибок, повлекшие вынесение смертных приговоров

Сведения о следственных и судебных ошибках, результатом которых явилось вынесение смертного приговора невиновному лицу, не входили в предмет судебной статистики, что затрудняет их количественное изучение. Каждый такой случай, становившийся известным, демонстрировал набор общих, повторяющихся нарушений в сфере получения, исследования и оценки доказательств.

Так, братья Ф. длительное время содержались под стражей; они дважды приговаривались к смертной казни, и дважды вышестоящая судебная инстанция отменяла приговор. Их обвинение в совершении убийства с особой жестокостью 23-летней В. основывалось на показаниях отца потерпевшей о враждебном отношении к его дочери со стороны обвиняемых, а также показаниях одного колхозника и двух колхозниц – о том, что с места преступления раздавались крики В. об убийстве ее братьями Ф., и что последние сразу после происшедшего направились от места преступления в сторону колхозного клуба. Кроме того, свидетель С. утверждал, что в камере следственного изолятора один из обвиняемых рассказывал ему о совершении вместе с братом убийства В.

Следствие и суд не придали значения тому, что обувь потерпевшей и орудие преступления – окровавленный нож – были найдены далеко в стороне от дороги в колхозный клуб, что принципиально противоречило показаниям свидетелей обвинения.

Когда уголовное дело принял к производству более опытный следователь, он установил алиби братьев Ф. Оказалось, что свидетель С., имевший 7 судимостей, дал ложные показания в отношении Ф. по принуждению сотрудника милиции. Упомянутые три члена колхоза стали давать изобличающие братьев Ф. показания только после того, как этих свидетелей незаконно поместили на несколько дней в камеру предварительного заключения и применяли к ним недозволенные методы дознания.

Настоящим убийцей оказался житель соседней деревни М., который, возвращаясь с места преступления домой, обронил орудие убийства и выбросил похищенную обувь потерпевшей¹.

В другом случае Саратовским областным судом был осужден к исключительной мере наказания – расстрелу – некий Щ., которому вменялось совершение убийства двух женщин. Основанием для вынесения приговора послужили показания двух свидетелей, а также прежние показания самого Щ., от которых он позднее отказался. После вступления приговора в законную силу Щ. не стал обращаться с ходатайством о помиловании, объявив, что свидетели его оговорили, а сам он ранее признавал вину по причине незаконных воздействий со стороны работников уголовного розыска.

Когда Щ. ожидал приведения приговора в исполнение, в правоохранительные органы поступило заявление Б., осужденного за совершение тяжких преступлений, в котором он сообщал, что убийство потерпевших на самом деле совершила жена Б., а не осужденный Щ. Если бы прокурор не приостановил исполнение вступившего в законную силу приговора, то расстреляли бы невиновного человека².

¹ Селиванов Н. Противодоказательства в уголовных делах // Соц. законность. 1987. № 8. С. 54–56.

² Громов Н., Симишин В. Приостановление исполнения судом приговора, определения, постановления // Законность. 1994. № 11. С. 35–36.

Изучение специальной литературы, информационных писем, направляемых МВД и прокуратурой страны в регионы, показывает, что ошибки и нарушения, допускаемые в процессе оперативно-розыскной и следственной работы, носят постоянный характер.

Так, в 60-х гг. сотрудники милиции г. Новомосковска, пользуясь бесконтрольностью следователей и отсутствием надлежащего надзора со стороны прокуратуры, по ряду дел об убийствах действовали стереотипно. Они без ведома следователей прокуратуры, в производстве которых находились эти дела, необоснованно задерживали в качестве подозреваемых невиновных людей и водворяли их в камеры предварительного заключения, производили допросы в ночное время с использованием физического и психического насилия. Все это привело к самооговору невиновных лиц, необоснованному привлечению их к уголовной ответственности, воспрепятствованию раскрытия тяжких преступлений. Виновные в нарушениях закона должностные лица были осуждены³.

Исследования, проведенные в различных районах СССР в 80-х гг. выявили аналогичные нарушения⁴. При проверке организации выполнения приказа Генерального прокурора СССР № 47 от 22 июля 1983 г. в ряде союзных республик были установлены факты расширительного, произвольного толкования оснований задержания. По многим делам для задержания в качестве подозреваемых использовались поводы, не имеющие отношения к расследуемому делу и сами по себе не могущие служить основанием для задержания (например, прежние судимости). В Ростовской области выявили практику задержания в качестве подозреваемых по делам об умышленных убийствах, совершенных в условиях неочевидности, близких родственников потерпевших. При этом версия об их причастности к преступлению не обосновывалась имеющимися материалами.

Исследования, проведенные в 90-х гг., вновь зафиксировали случаи задержания граждан в качестве подозреваемых – при отсутствии предусмотренных законом оснований – с целью получения оперативной информации о совершенном преступлении. Именно этим объясняется задержание лиц в качестве подозреваемых, а потом освобождение их по основаниям «не подтвердившегося подозрения». В ряде случаев задержанные лица, при отсутствии доказательств, подтверждающих факт совершенных преступлений, арестовывались за малозначительные, не представляющие большой общественной опасности правонарушения. Некоторые прокуроры шли на поводу у недобросовестных работников органов дознания и следователей, давая санкции на арест подозреваемых при отсутствии к тому оснований, ожидая получить доказательства их виновности до истечения 10-дневного срока, предусмотренного ст. 90 УПК РСФСР.

И если в законе речь идет об исключительных случаях, то на практике аресты подозреваемых по тяжким преступлениям до предъявления обвинения стали обыденностью. Именно на этой стадии нередко зарождается «обвинительный уклон» дознания и следствия, поскольку после принятия решения об аресте «авансом» правоохранительные органы в дальнейшем подгоняют и корректируют доказательства под реализованное решение о заключении под стражу подозреваемого.

В основном такие факты имели место по делам о тяжких преступлениях против личности, совершенных в отсутствие очевидцев. А сами следственные ошибки преимущественно обусловлены обстоятельствами, касающимися личности следователя, его профессиональной подготовленности и отношения к служебной деятельности⁵. В частности, незаконному привлечению невиновных лиц к уголовной ответственности способствует неумение следователя

³ Информационно-методическое письмо Прокуратуры СССР «Практика взаимодействия следователей прокуратуры с органами дознания при расследовании убийств и изнасилований». № 3/н-34-70. 02.11.70 г.

⁴ Информационное письмо Прокуратуры СССР «О результатах обобщения практики прокурорского надзора по делам об умышленных убийствах». № 12-4 д. 30.08.88 г.

⁵ Бердичевский Ф. Ю., Кочаров Г. И., Стетичев С. С. Почему некоторые дела об убийствах возвращаются на дополнительное расследование. М., 1968.

выявить псевдодоказательства, созданные недобросовестными работниками органов дознания, стремящихся любым путем добиться «раскрытия» преступления.

Исследования, проведенные различными авторами (В. В. Воскресенским, В. Н. Исаенко, Л. П. Исмакаевым, В. А. Лазаревой, А. А. Леви, В. Н. Маховым, Е. С. Радутной, А. Б. Соловьевым, И. Е. Токаревой), показывают, что в подавляющем большинстве случаев необоснованное привлечение граждан к уголовной ответственности является результатом нарушения требований закона о всесторонности, объективности и полноте исследования всех обстоятельств дела. Неполнота расследования по многим уголовным делам, по которым имело место необоснованное привлечение к уголовной ответственности, усугублялась обвинительным уклоном следователей, в результате чего важные для дела обстоятельства проверялись лишь в рамках одной из ряда версий о личности преступника. При этом игнорировались противоречия в материалах дела, по надуманным предлогам или безмотивно отклонялись ходатайства обвиняемых и их защитников о производстве процессуальных действий, которые могли бы способствовать установлению невиновности привлекаемых.

Необоснованное и незаконное привлечение граждан к уголовной ответственности обусловлено неправомерными действиями следователя, нарушающими требования УПК о наличии достаточных оснований для вынесения мотивированного постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Односторонность предварительного расследования представляет собой недостаточное исследование существенных, объективно выдвинутых версий обстоятельств дела, необоснованное увлечение только одной из версий. В большинстве случаев такая односторонность сочетается с неполнотой расследования и проявляется в недоказанности того или иного обстоятельства. Значительное число следственных ошибок состоит в недоказанности совершения преступления обвиняемым.

В специальной литературе достаточно подробно описаны причины и проблемы устранения ошибок в стадии предварительного следствия и судебного рассмотрения уголовных дел⁶. Подавляющее число таких ошибок можно объяснить пренебрежительным отношением следователей и судей к рекомендациям, содержащимся в специальных источниках, либо незнанием ими соответствующей литературы, отсутствием работы по самообразованию, формализмом. Небезынтересны результаты изысканий В. Комиссарова, опросившего 220 следователей. Из этого количества респондентов считали возможным поступиться нравственными соображениями: при следственном осмотре – 49 %, при обыске – 28 %, а при предъявлении для опознания – 17 %. Изучение же уголовных дел показало, что процент таких откровений был намного занижен⁷.

Нужно признать, что истоки перечисленных недостатков следственной и судебной работы восходят еще к 20-м гг., когда в стране начал пропагандироваться приоритет общественных интересов перед личными. Однако стремление строгого соблюдения интересов общества за счет ущемления прав отдельного человека представляет опаснейшее нарушение законности, поскольку противопоставляет общество человеку. Именно такая политика вела к так называемому «обвинительному уклону», нарушению прав на защиту, несоблюдению требований презумпции невиновности.

Располагая односторонне расследованными материалами уголовного дела, не имея реального представления о ходе их досудебной проверки, судебное следствие превращалось в ревизию предварительного следствия. Отсюда появляются «штампованные» приговоры и судебный бюрократизм. Следует признать, что практически не гласный суд, как это должно быть, а закрытое предварительное следствие стало в нашей стране основной стадией уголов-

⁶ Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. Ч. 1 и 2 / Под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1975; Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия / Под ред. А. Б. Соловьева. М., 1991.

⁷ Комиссаров В. О качестве предварительного следствия: мнения заинтересованных сторон // Соц. законность. 1988. № 9. С. 63–64.

ного процесса, на которой в значительной степени предрешается вопрос о виновности человека. Не случайно на протяжении многих лет остается неизменной ст. 143 УПК РСФСР, определяющая основания привлечения в качестве обвиняемого, хотя анализ ее содержания свидетельствует: законодатель оставляет следователей при решении такого важного вопроса без каких-либо ориентиров.

В настоящее время много говорится об упрочении гарантий соблюдения законности в деятельности правоохранительных органов. Но не следует забывать, что уголовная юстиция существует в обществе не для соблюдения законности в своей деятельности, а для борьбы с преступностью при строжайшем соблюдении законности. И принцип законности нельзя рассматривать в отрыве от принципа неотвратимости наказания⁸. Однако некоторые авторы забывают о принципе неотвратимости ответственности при ведении дискуссии о следственных и судебных ошибках. А некоторые даже считают безнаказанность за совершенные преступления «платой» за искоренение прежних фактов беззакония в отношении обвиняемых и подсудимых⁹.

В последнее время заметно усилилась такая тенденция в работе правоохранительных органов, как необоснованное прекращение или приостановление сложных уголовных дел. Подобные действия являются не менее опасным нарушением законности, чем незаконные действия в отношении обвиняемых и подсудимых. Эта негативная крайность, способная нанести ощутимый вред борьбе с преступностью, обусловлена во многом формальным подходом к оценке законности задержания с последующими дисциплинарными санкциями за такую инициативу. В управленческой и надзорной деятельности сложилась практика, когда незаконность задержания в качестве подозреваемого определяется арифметической разницей между количеством задержанных и освобожденных из ИВС лиц, без анализа материалов каждого уголовного дела. В практике сформировался порочный подход, когда к следователям применяются меры дисциплинарного взыскания за ошибки при задержаниях и арестах, но совершенно игнорируются случаи ошибочного отказа от них. В результате – виновные лица, находясь на свободе, совершают новые преступления, создают ложные оправдательные доказательства либо скрываются от следствия и суда.

По общепринятым правилам уголовного процесса, самые серьезные и опасные судебные ошибки представляют ошибочное осуждение или ошибочное оправдание. С позиций теории познания суд при недоказанной виновности обвиняемого истину не устанавливает, ибо гносеологически остается не выясненным вопрос: совершил ли преступление обвиняемый или иное лицо, оставшееся неизвестным¹⁰.

В судопроизводстве присутствуют элементы приблизительности. Как выражались французские энциклопедисты, показания одного свидетеля создают вероятность, совпадающие показания двух или более свидетелей порождают достоверность¹¹.

Однако достоверность не всегда адекватна истине. Поэтому нередки случаи, когда совпадающие показания свидетелей даются лицами с похожими интересами и психологическими характеристиками.

Ошибочные или ложные показания свидетелей, потерпевших, обвиняемых, ошибочные документы и заключения экспертов, ошибки при проведении и фиксации результатов следственных действий, основанных на непосредственном восприятии, – все они закономерно превращаются в судебные ошибки, если остаются невыявленными в ходе судебного процесса.

⁸ Луцев В. Криминология на этапе перестройки // Соц. законность. 1989. № 3. С. 9.

⁹ Садеков В. Дело из зеленой папки // Российская газета. 1995. 9 июня. С. 7.

¹⁰ Резник Г. М. Оправдание за недоказанностью // Сов. юстиция. 1969. № 15. С. 11–12.

¹¹ История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978. С. 20–27.

Существующие в судебной практике критерии доказанности преступления ориентируют судей на установление истины по уголовным делам. Однако уровень «критерия доказанности» бывает недостаточно высок, особенно при рассмотрении дела о жестоком убийстве, получившем большой общественный резонанс, вызвавшем негодование широкой публики и требования возмездия.

В таких случаях судья осознает, что совокупность доказательств по конкретному уголовному делу создает опасность осуждения с высокой степенью вероятности, и в принципе не исключена возможность осуждения невиновного. Однако общий эмоциональный настрой, вызванный громким делом, способствует тому, что судья выносит смертный приговор, в душе надеясь на поддержку вышестоящей судебной инстанции и одобрение общественности. А по прошествии времени оказывалось, что к исключительной мере наказания был осужден человек, не совершивший инкриминируемого деяния.

«В этих случаях вред причиняется двойной: честный человек объявляется преступником и подвергается незаслуженной репрессии, а действительный преступник остается на свободе ненаказанным и радуется, что дело так удачно для него обернулось»¹².

В качестве поучительного примера, демонстрирующего возможность трансформации следственных ошибок в судебные, несмотря на обязывающий высокий должностной уровень «ошибающегося», можно привести случаи из биографии известного в СССР следователя М. К. Жавнеровича.

М. К. Жавнерович начал работать в прокуратуре с августа 1944 г., в 1952 г. его назначили старшим следователем прокуратуры Могилевской области, а с 1960 г. он назначается следователем по особо важным делам при прокуроре Белорусской ССР. В роскошно изданном юбилейном сборнике, посвященном 60-летию советской прокуратуры, об этом специалисте сообщается:

«К раскрытию почти каждого загадочного убийства в Белоруссии причастен следователь по особо важным делам М. К. Жавнерович... Одни усматривают в этом везение, другие – некую особую интуицию, присущую Михаилу Кузьмичу. Но, думается, дело прежде всего в способности Жавнеровича разглядеть то, что до него осталось незамеченным, короче говоря, в высоком профессиональном мастерстве...»

Михаил Кузьмич использует в своей работе возможности различных экспертиз и знания специалистов, новейшие научные достижения в криминалистике и психологии, умело взаимодействует с органами милиции и общественностью. Все это тоже слагаемые его мастерства, его «секрета». Впрочем, сам он никакого секрета из своего умения работать не делает. Его обстоятельные статьи, обращенные ко всем собратям по профессии, регулярно публикуются, о нем созданы документальные фильмы и телепередачи. Интересна и поучительна его книга «Каждое преступление должно быть раскрыто».

Заслуги М. К. Жавнеровича в борьбе с преступностью признаны и оценены. Он кавалер ордена Трудового Красного Знамени, имеет и другие правительственные награды. Одним из первых в республике Михаил Кузьмич удостоен звания «Заслуженный юрист Белорусской ССР»¹³.

Однако через год после опубликования этих хвалебных строк герой очерка на коллегии прокуратуры Белорусской ССР был снят с должности, а также исключен из членов КПСС, что в те годы означало полное крушение карьеры. Поводом для принятия такого кардинального решения в отношении «лучшего следователя Белоруссии» послужил скандал, разразившийся «по делу Коновальчуков».

¹² Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. С. 222.

¹³ Советская прокуратура: Сборник. М., 1982. С. 289–291.

В ночь на 9 июня 1981 г. на озере Большое Осовище в Гомельской области были избиты и утоплены в воде проводившие рейд по выявлению браконьеров следователь Мозырской межрайонной прокуратуры В. В. Кузьминков и инспектор рыбоохраны С. Д. Кузьменко. У последнего похищен служебный пистолет «Токарев» с боеприпасами.

Через несколько дней по подозрению в совершении этого преступления арестовали местных жителей – Л. Володковича, О. Галая, В. Денисова, Н. Зухту, С. Хорсеко. Все пятеро быстро сознались в совершении двойного убийства, браконьерстве и хищении рыболовных сетей. Как потом выяснилось, сотрудники милиции буквально «выбили» нужные показания от задержанных. Одного били сапогом в лицо, другого – головой о сейф в служебном кабинете, третьего – переплетенным в коленкор томиком Уголовного кодекса Белорусской ССР. Немудрено, что на судебном процессе все пятеро отказались от «признания вины», объяснив прежние показания результатом примененного насилия со стороны сотрудников милиции.

Возвращенное судом на дополнительное расследование дело передали следователю по особо важным делам Белорусской ССР Н. И. Игнатовичу, отличавшемуся принципиальным характером и скрупулезностью в работе. Вскоре он заявил прокурору республики А. И. Могильницкому, что не верит в причастность арестованных к инкриминируемому убийству. Опытный криминалист Н. И. Игнатович отметил, что отсутствуют всякие вещественные доказательства, изобличающие обвиняемых. При поочередном выведении на место преступления арестованные, признавая вину, почему-то указывали разные пункты, обозначая динамику совершения преступления. Такие принципиальные противоречия у «признающихся», по мнению Н. И. Игнатовича, свидетельствовали о явном самооговоре.

Н. И. Игнатович был отстранен от дальнейшего ведения дела, которое передали М. К. Жавнеровичу, который не сомневался в вине арестованных и оставлял без реагирования их показания о недозволенных методах дознания. Прокурор Белоруссии А. И. Могильницкий сам утвердил обвинительное заключение при направлении дела в Верховный суд Белорусской ССР. Трое подсудимых были приговорены к 15 годам лишения свободы каждый, один – к 8 годам лишения свободы, и С. Хорсеко получил 2 года лишения свободы.

30 апреля 1983 г. в дежурную часть Мозырского РОВД поступило по рации сообщение от двух патрулирующих сотрудников милиции, которые преследовали подозрительный автофургон. Его номера по рации были переданы дежурному по РОВД. Однако вскоре оба патрульных были обнаружены без признаков жизни с многочисленными колотыми ранениями на теле. По номеру фургона быстро установили убийц. Ими оказались три брата Коновальчуки: Владимир, Василий и Григорий, а также сыновья Владимира Коновальчука – Геннадий и Константин. В ходе следствия выяснилось, что убийство следователя прокуратуры с инспектором рыбоохраны в 1981 г. совершено тоже этими лицами; преступники выдали пистолет «Токарева», похищенный у инспектора при нападении на него.

Осужденных людей пришлось освобождать. Коновальчуков обвинили в совершении четырех умышленных убийств и ряде краж, уголовное дело в отношении их начал рассматривать Верховный суд Белоруссии. Но еще до вынесения приговора в газете «Известия» 27 ноября 1983 г. появилась статья собственного корреспондента Н. Матуковского «Тень одной ошибки», рассказывающая про тайны следствия М. К. Жавнеровича, повлекшие осуждение невиновных.

14 декабря 1983 г. суд приговорил Владимира, Василия и Константина Коновальчуков – к смертной казни, Коновальчука Григория – к 15 годам лишения свободы, Коновальчука Геннадия – к 7 годам лишения свободы.

Прокурор и министр внутренних дел республики, их заместители были сняты с постов. Отстранен от должности судья, вынесший обвинительный приговор пятерым невиновным. 24 января 1984 г. в Минске прошло совещание работников прокуратуры Республики Белоруссия, на котором с докладом выступил Генеральный прокурор СССР А. М. Рекунков. Обсуждались

«задачи по обеспечению строжайшего надзора за соблюдением законности». И никто из присутствующих не знал, что в следующем году Белоруссия опять будет предметом обсуждения в средствах массовой информации по теме следственных и судебных ошибок.

В 1985 г. здесь наконец был пойман «витебский монстр» – Г. М. Михасевич, за 15 лет убивший по сексуальным мотивам свыше 30 женщин. Выяснилось, что по ряду преступлений, совершенных им, осуждены невинные люди, которые на следствии признавали вину. Один из осужденных – Н. С. Тереня – даже был расстрелян по приговору суда, хотя жестокое убийство, как выяснилось, совершил не он, а Михасевич. Часть дел, по которым осуждены невинные, вел тот же М. К. Жавнерович...

Старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР В. А. Париц, возглавивший следственную бригаду по деяниям Михасевича, допрашивал пенсионера М. К. Жавнеровича, изучал его жизненный путь, личное дело, в котором одна из характеристик содержала такие строки: «... Не может изложить основной мысли прочитанных произведений. Язык бедный. Кругозор узкий. Рекомендовано усиленно читать юридическую и художественную литературу»¹⁴.

Следователь В. А. Париц так выразил свое отношение к личности и методам работы М. К. Жавнеровича: «Некоторые следователи, в том числе и Жавнерович, имели низкий общеобразовательный уровень, слабую профессиональную подготовку, работали доморощенными способами. А уж о специфике расследования преступлений, совершенных в связи с сексуальными отклонениями, и малейшего представления не имели. Эти люди попали в следственный аппарат, я убежден, совершенно случайно, без какого-либо призвания и способностей к избранной деятельности... Что было на самом деле? Неспособность сомневаться в избранной версии, отбрасывание любых доказательств, противоречащих ей, примитивный подход к анализу и оценке доказательств в их совокупности. Непробиваемая уверенность в своей профессиональной непогрешимости. Жавнерович считал, например, что всегда может определить убийцу. Его любимое изречение: преступник – в материалах дела, его только надо там найти. Разве это не достаточный показатель профессионального примитивизма?... Горько говорить, что так работал человек, наделенный большими полномочиями, получивший признание как незаурядный следователь, не имевший на своем счету нераскрытых преступлений и дел, возвращенных для дополнительного расследования»¹⁵.

Журналист И. Гамаюнов, изучивший истоки культа Жавнеровича, сообщает: «Его ксеноязычие... воспринималось как признак “простого” человека, “вышедшего из народа”. А его высокомерное давление на подследственного считалось всплеском гражданской ненависти к преступнику... Его культ возник потому, что он нужен был в «отчетной игре» его ведомства с вышестоящими организациями. Инерция же дутого его авторитета действовала безотказно: суды штамповали его следственные документы, не подвергая их, как это следует, сомнению»¹⁶.

Э. У. Бабаева о М. К. Жавнеровиче сообщает: «В процессе расследования уголовного дела по обвинению его в преступлениях против правосудия, в том числе и в неоднократном привлечении им заведомо невинных к уголовной ответственности, было установлено, что он был самолюбив, считал себя непревзойденным специалистом, пренебрегал мнением коллег по работе»¹⁷.

Исследование дел о привлечении к уголовной ответственности заведомо невинных лиц показало, что таких следователей, превратившихся затем в обвиняемых, отличали заносчи-

¹⁴ Гамаюнов И. Метастазы // Литературная газета. 1988. 2 марта.

¹⁵ Париц В. А., Заикин Н. П. Витебское дело // Соц. законность. 1988. № 9. С. 33–35.

¹⁶ Гамаюнов И. Метастазы // Литературная газета. 1988. 2 марта

¹⁷ Бабаева Э. У. Расследование привлечения к уголовной ответственности заведомо невинного // Расследование преступлений против правосудия, совершаемых работниками правоохранительных органов / Под ред. А. А. Эйсмана. М., 1992. С. 33.

вость, неумение прислушиваться к мнению других, завышенная оценка своих профессиональных способностей, самоуверенность, стремление продвинуться по службе, выделиться и быть поощренным¹⁸.

Об этом подробно рассказывает в своей книге В. И. Сороко¹⁹. Автор – в прошлом следователь транспортной прокуратуры, арестованный и осужденный за незаконные методы работы. Жертвой его «профессионализма» стал некий Адамов, признавшийся в совершении изнасилования и убийстве К., за что судом направлен в ИТК сроком на 15 лет. Позднее установили упоминавшегося выше серийного убийцу Михасевича, одной из потерпевших по делу которого оказалась К. Адамов был освобожден и приобрел, по выражению журналистов, статус «главного обвиняемого», когда его следователь Сороко за незаконные методы работы был осужден к четырем годам лишения свободы.

По наблюдению Эриха Анушата, «бесконечное число убийц, как мужчин, так и женщин, производило вначале “хорошее” впечатление и вводило в заблуждение многих “знатоков людей”»²⁰. Соглашаясь с этим, можно также утверждать обратное: «бесконечное число» не причастных к убийству людей признавалось и продолжает признаваться «знатоками» за виновных лиц, а результаты такого внутреннего убеждения могут иметь тяжкие последствия.

В данной книге описаны следственные и судебные ошибки 70–80-х гг., но за последние четверть века не произошло никаких принципиальных изменений, которые реально могли бы улучшить качество дознания и предварительного следствия в России. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» сделал во многом открытой ту сферу функционирования оперативных служб, которая десятилетиями в СССР считалась сугубо секретной и не подлежала прокурорскому надзору²¹. Однако методы воздействия на заподозренных лиц со стороны сотрудников правоохранительных органов нередко те же, что существовали во времена расцвета культа личности²².

Недавно из мест лишения свободы был освобожден житель г. Дивногорска Красноярского края Евгений Судоплатов, осужденный за умышленное убийство своей жены к 10 годам лишения свободы. Суд при вынесении приговора ссылаясь на собственноручно написанную Судоплатовым «явку с повинной». Позднее выяснилось, что «явка» – результат избияния задержанного работниками милиции, а жена Судоплатова на самом деле являлась жертвой серийного убийцы Ершова. По другому эпизоду деятельности этого же маньяка семь месяцев содержался под стражей невиновный 17-летний Алексей Старцев, чьи «признательные» показания появились после того, как его избивали и запугали сотрудники уголовного розыска²³. И не случайно в специальных изданиях отмечалось, что «нарушения процессуального законодательства... получили в Красноярском крае весьма широкое распространение»²⁴.

Практика показывает, что случаи правового нигилизма, злоупотребления властью и нарушения закона, допускаемые работниками правоохранительных органов, особенно ярко проявляются по делам об убийствах, где с начального этапа расследования допускались серьезные ошибки в сборе доказательств, необоснованное увлечение только одной версией, формальный подход при составлении важных процессуальных документов²⁵.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Сороко В. И. Витебское дело, или Двуликая Фемида. Минск, 1993.

²⁰ Анушат Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики. М., 1927. С. 31.

²¹ См., напр.: Чуфаровский Ю. В. Психология в оперативно-розыскной деятельности. М., 1996.

²² Корольков И. В России пытали и будут пытаться // Известия. 1994. 16 марта.

²³ Азаева Э. Маньяк растоптал Алешкину любовь // Комсомольская правда. 1998. 9 июля.

²⁴ Кныш Ю. В. Процедура обысков – надлежащий прокурорский надзор // Юридическая газета. № 38. 1999. С. 15.

²⁵ Куманев В. В. Правонарушения сотрудников органов внутренних дел современной России. Проблемы теории и практики: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 17–25.

Глава 2

Краснодарское дело

Утром 25 февраля 1983 г. в частном доме пенсионерки Аболмасовой О. Б. в г. Краснодаре были обнаружены трупы хозяйки дома и Ковалева, проживавшего здесь несколько лет в качестве квартиранта. Анализ обстановки места происшествия свидетельствовал, что потерпевшие были убиты в начале суток 25 февраля, в своих кроватях во время сна, одним и тем же топором, обнаруженным в доме при осмотре. Из взломанного серванта часть вещей оказалась выброшенной на пол, но золотые украшения остались нетронутыми. Запоры входной двери дома не имели повреждений. Все это позволило выдвинуть версию, что преступник был знаком с потерпевшими, которые ему доверяли и безбоязненно впустили к себе. Он хорошо ориентировался в домашней обстановке, искал только определенную вещь или ценности.

При оперативном опросе соседи сообщили, что в доме прописан 25-летний сын потерпевшей – Геннадий Аболмасов, проживающий в Краснодаре у В. И. Кочетковой, с которой находился в гражданском браке. Работники милиции получили от соседей сведения, что Геннадий иногда бил мать и находился якобы в неприязненных отношениях с ней, настаивал на выселении Ковалева, высказывал опасение, что мать может оформить домовладение на этого квартиранта.

Г. Аболмасов и В. Кочеткова 25 февраля 1983 г. в середине дня были доставлены в Октябрьский РОВД г. Краснодара. Здесь прокурор Октябрьского района Щ. и следователь той же прокуратуры К. дали указание сотрудникам милиции задержать доставленных в порядке ст. 122 УПК РСФСР и поместить в изолятор временного содержания при УВД Краснодарского горисполкома, хотя оснований для задержания, предусмотренных законом, не имелось. Задержанным не были разъяснены права подозреваемого. Кроме того, Аболмасова не стали допрашивать по мотивам задержания и даже не объявили, в совершении какого преступления он подозревается. Следователь прокуратуры К. вместе с инспектором уголовного розыска Никитиным основное внимание уделили попыткам получить признание от беременной Кочетковой о совершении убийства Аболмасовым. 25 и 26 февраля на допросах Кочеткова твердила, что ночью Геннадий никуда из дома не уходил, а про данное преступление ей стало известно лишь после доставления в милицию. Следователь К. заверял ее, что сам Аболмасов уже признался в убийстве матери и квартиранта, и если она не расскажет об этом, то будет отправлена в тюрьму, а ее малолетнего сына поместят в детский дом.

27 февраля прокурор Октябрьского района Щ. на допросе пообещал немедленно отпустить ее на свободу в случае дачи показаний, изобличающих Аболмасова. И Кочеткова подписала свой протокол допроса, составленный прокурором Щ., в котором было указано, что ночью 25 февраля 1983 г. муж уходил из дома, вернулся со следами крови на руках и одежде.

В тот же день аналогичные показания с записью их на магнитофон Кочеткова была вынуждена дать следователю прокуратуры К., а 28 февраля такие же показания с записью на магнитофон она дала следователю Кузнецову в присутствии прокурора Щ., который рекомендовал ей придерживаться подобной линии поведения, иначе она будет заключена под стражу. 28 февраля 1983 г. Кочеткову освободили, избрав мерой пресечения подписку о невыезде, но обвинение так и не предъявили.

Проведенными экспертными исследованиями не удалось обнаружить никаких следов крови на теле и одежде Аболмасова, что должно было вызвать сомнения в объективности показаний Кочетковой, полученных таким путем. Но следствие с самого начала отработывало только версию совершения преступления из корыстных побуждений Геннадием Аболмасовым, который якобы опасался передачи матерью Ковалеву доли своего домовладения и денежных

сбережений. Фактически только на третий день содержания Аболмасова в ИВС ему сообщили о гибели матери и Ковалева. Прокурор Щ. принимал участие в проведении некоторых его допросов, высказывая угрозы и демонстрируя уверенность в его вине, а порой сам допрашивал арестованного. Следователь К. во время допросов Аболмасова применял разнообразную тактику: обещал освободить от уголовной ответственности в случае признания вины в убийстве, учитывая, что обвиняемый является инвалидом вследствие черепно-мозговой травмы; сулил расправу со стороны сокамерников; гарантировал вынесение судом смертного приговора в случае непризнания вины; угрожал различными гонениями на жену и ребенка; неоднократно воспроизводил аудиозапись показаний Кочетковой, где она уличала его в убийстве.

При осмотре места происшествия на филенке двери обнаружили отпечатки пальцев Аболмасова. Последний подтвердил, что мог оставить их 24 февраля, когда с помощью топора пытался заменить замки на двери комнаты, где жил Ковалев. Обвиняемый категорически отрицал свою причастность к преступлению и заявлял, что в ночь на 25 февраля к матери домой не приходил. Отказалась от своих показаний, изобличающих мужа, и Кочеткова, объяснив их незаконным воздействием работников милиции и прокуратуры.

Геннадий Аболмасов подвергался жесткому прессингу со стороны сокамерников, которые применяли к нему физическое насилие и склоняли к самоубийству, в результате чего ему неоднократно вызывали врача.

В начале мая 1983 г. следователь К. и инспектор уголовного розыска Никитин на автомашине провезли Аболмасова по Краснодару, усиливая эффект тоски по свободе; кроме того, оговаривали его жену, чьи изобличающие показания на фонограмме ему давали прослушивать ранее. Все это в конечном итоге привело к тому, что когда 7 и 8 мая 1983 г. инспектор Никитин проводил допросы Аболмасова, он уже находился в болезненном состоянии, терял сознание при допросах и оба этих дня к арестованному вызывались врачи «скорой помощи». 8 мая Никитин, используя болезненное состояние обвиняемого, заставил его написать «явку с повинной», и в тот же день следователь К. составил протокол допроса Аболмасова, якобы признающего в двойном убийстве.

Но вскоре обвиняемый отказался от этих сфабрикованных показаний.

Работников правоохранительных органов не смутило, что показания обвиняемого, полученные 8 мая, противоречили в ряде принципиальных вопросов объективной картине преступления и делали его вину еще более проблематичной. Но признание было получено, и уголовное дело немедленно направили в суд.

29 июня 1983 г. Краснодарский краевой суд приговорил Геннадия Аболмасова к смертной казни за убийство двух человек, совершенное с особой жестокостью из корыстных побуждений. При этом суд сослался на «признания» подсудимого и его жены, полученные на предварительном следствии при названных выше обстоятельствах.

После кассационных жалоб осужденного и его адвокатов Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 10 октября 1983 г. отменила приговор Краснодарского краевого суда и направила дело на новое расследование. В своем определении Верховный Суд России указал:

1. Несмотря на множественные рубленые раны на телах потерпевших, что повлекло обильное кровотечение, на одежде Аболмасова крови не обнаружено.

2. «Явка с повинной» Аболмасова от 8 мая 1983 г. не дает ответа на ряд важных вопросов и содержит утверждения про обстоятельства, не соответствующие установленным объективным данным.

3. Не проверялись доводы Аболмасова о возможности совершения этого преступления другими лицами.

4. Не были проверены заявления подсудимого по обстоятельствам получения от него «явки с повинной» в условиях применения насилия и болезненного состояния Аболмасова.

5. Следствие и суд не проверили доводы Кочетковой о вынужденном оговоре Аболмасова из-за ситуации ее задержания и применения к ней незаконных мер со стороны должностных лиц правоохранительных органов.

6. В Краснодарский краевой суд 25 августа 1983 г. поступило письмо от начальника отдела Краснодарской краевой прокуратуры. В этом документе сообщалось, что прокуратура Октябрьского района г. Краснодара возбудила уголовное дело в связи с заведомо ложными показаниями свидетеля, соединенными с искусственным созданием доказательств обвинения, и совершенными с корыстной целью (ч. 2 ст. 181 УК РСФСР). По мнению прокуратуры, субъектом преступления является Карагодин Евгений, 1957 г. р., утверждающий, что убийство Аболмасовой и Ковалева совершил он.

Не удивительно, что прокурор Октябрьского района Щ., допустивший такие нарушения процессуального закона, должен был отреагировать на подобное заявление «адекватно» – возбуждением уголовного дела против заявителя.

В процессе дополнительного расследования выяснилось, что Карагодин Е. ранее проживал в Краснодаре, еще школьником помогал Аболмасовой за плату изготовлять щетки, которые она продавала на рынке. Став взрослым и переехав в Могилевскую область, Карагодин иногда приезжал в Краснодар и встречался с Аболмасовой, ее сыном Геннадием и квартирантом Ковалевым. Со всеми ними он находился в хороших отношениях.

4 августа 1983 г. Карагодин добровольно явился в ОВД на железнодорожной станции Могилев Белорусской ССР и сообщил, что это двойное убийство совершено им, а осужден к расстрелу невиновный – Аболмасов. Сотрудники транспортной милиции по телефону получили подтверждение из Краснодара об имевшем место преступлении. Карагодин был доставлен в Краснодар, где сразу написал заявление на имя прокурора Октябрьского района, в котором подробно описывал содеянное. Его показания, данные в стадии предварительного следствия, про обстоятельства совершения убийства Аболмасовой и Ковалева полностью соответствовали данным протокола осмотра места происшествия и актов судебно-медицинских экспертиз трупов потерпевших.

Карагодин признался, что испытывал материальные затруднения, вследствие чего вынашивал план обокрасть дом Аболмасовой, зная место хранения крупных денежных сбережений. В феврале 1983 г. он приехал из Могилева в Москву, уговорил своего знакомого Демидова оказать содействие в хищении денег из жилища Аболмасовой. С этой целью он и Демидов 22 февраля 1983 г. прилетели из Москвы в Краснодар. Здесь Демидов проявил нерешительность в осуществлении задуманного хищения, и Карагодин обратился за аналогичной помощью к местному жителю Бовану, но и тот отказался участвовать в преступлении. Тогда Карагодин один вечером 24 февраля 1983 г. пришел в дом Аболмасовой, которая его впустила и оставила ночевать. Примерно через час-полтора Карагодин встал, прошел на кухню, в коридоре обнаружил два топора и одним из них совершил убийство Аболмасовой и ее квартиранта Ковалева, спавших в разных комнатах. Затем взломал сервант, похитил из него два свертка с деньгами, а также спиртное и некоторые предметы. С целью инсценировки ограбления разбросал по комнате часть вещей. О совершенном преступлении он рассказал Бовану и Демидову. Из похищенных семи тысяч рублей Карагодин часть денег дал Бовану, купил подарки родным и знакомым. Затем вместе с Демидовым он улетел из Краснодара к себе домой. Когда Карагодин узнал, что за это преступление арестован невиновный Г. Аболмасов, он бросил работу, запил, его мучили «кошмарные сны». Он признался своей жене и матери в совершенном убийстве, жаловался, что ему постоянно снятся потерпевшие. В конце концов Карагодин добровольно пришел с повинной в органы транспортной милиции, сообщив о невиновности Аболмасова.

Факт пребывания Карагодина и Демидова в Краснодаре в период с 22 по 25 февраля 1983 г. был подтвержден пассажирскими авиадокументами и показаниями ряда очевидцев.

В то же время на предварительном следствии Карагодин в некоторых показаниях заявлял, что убийство все-таки совершил Г. Аболмасов, который будто бы рассказал ему обстоятельства содеянного в деталях и заплатил 10 тысяч рублей. За эту сумму Карагодин якобы согласился сделать «явку с повинной» после того, как Аболмасов будет осужден.

Позднее на предварительном следствии и в суде Карагодин сообщил, что такие показания он дал вынужденно, никаких денег от Аболмасова не получал и в феврале 1983 г. вообще с ним не встречался. Просто работники прокуратуры Октябрьского района и милиционеры не верили его признанию, предъявили ему обвинение по ч. 2 ст. 18¹ УК РСФСР, заявляли о доказанности вины осужденного Аболмасова. Версия о предварительном сговоре Аболмасова с Карагодиным, несмотря на явную абсурдность и нелогичность, была тщательно проверена и полностью развенчана.

Вина Карагодина в совершении двойного убийства нашла убедительное, доказательственное подтверждение, он был осужден к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Демидова осудили к лишению свободы за недонесение о данном преступлении. Бован осужден к шести месяцам исправительных работ, как совершивший заранее не обещанное приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем.

Ранее прокурор Щ. и следователь К. не принимали надлежащих мер к сохранению имущества, находившегося в доме Аболмасовой. Более того, нашлись свидетели, наблюдавшие, как следователь К. неоднократно посещал дом Аболмасовой, где изымал различные предметы без составления необходимых документов. Фактически дом потерпевшей был брошен на произвол судьбы, многие ценные вещи из него растаскивались.

Большой общественный резонанс в Краснодарском крае, вызванный фактом осуждения к смертной казни невиновного Аболмасова, способствовал тому, что в отношении прокурора Щ. и следователя К. возбуждено уголовное дело, объем которого в итоге составил полтора десятка томов. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР рассматривала это дело в открытом заседании в г. Краснодаре, где в апреле 1987 г. вынесла обвинительный приговор. На скамью подсудимых не попал инспектор ОУР Октябрьского РОВД Никитин по причине его преждевременной смерти.

Бывший прокурор с бывшим следователем, как и предполагалось, отрицали вину в принуждении Аболмасова и его жены к даче показаний путем угроз и иных противозаконных мер. Так, Щ. пытался утверждать, что задержание в порядке ст. 122 УПК РСФСР Аболмасова и его супруги было законным. Верховный Суд РСФСР в приговоре отметил, что ни одного из оснований, указанных в законе, для такого задержания не имелось, о чем подсудимые знали. Подсудимые К. и Щ. обоснованно привлечены к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 178 УК РСФСР – за заведомо незаконное задержание Аболмасова и Кочетковой. Подсудимые К. и Щ., как указал суд, виновны также в принуждении к даче показаний путем применения угроз и иных незаконных действий (ч. 1 ст. 179 УК РСФСР). Однако Судебная коллегия отметила, что квалифицирующий признак такого принуждения – издевательство над личностью допрашиваемых – не раскрыт органами следствия в материалах уголовного дела и обвинительном заключении, поэтому нет оснований для квалификации действий К. и Щ. по ч. 2 ст. 179 УК РСФСР.

Верховный Суд РСФСР признал виновными К. и Щ. в совершении халатности по ст. 172 УК РСФСР, поскольку они не приняли мер к сохранности имущества Аболмасовых, вследствие чего значительная часть этого имущества была утрачена, и Аболмасову причинен существенный материальный вред.

Подсудимый Щ. в судебном процессе вину не признал, в отличие от К., который сознался, что задержание Аболмасова с женой он произвел незаконно, а к сохранности имущества заключенного под стражу Аболмасова не принял достаточных мер. Оба подсудимых были приговорены к 2 годам исправительных работ каждый, с удержанием 20 % заработка в доход государства. С них взыскано в пользу Аболмасова 4903 рубля.

Суд исключил из обвинения Щ. эпизод принуждения подозреваемого Карагодина к даче показаний (ч. 1 ст. 179 УК РСФСР), поскольку последний, доставленный в суд из ИТК, по этому эпизоду объяснений давать не стал, а сам Щ. вину никогда не признавал.

Верховный Суд РСФСР оправдал К. и Щ. в части предъявленного им обвинения по ч. 2 ст. 176 УК РСФСР – за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, соединенное с обвинением в тяжком преступлении и искусственным созданием доказательств обвинения. Подсудимые заявляли, что они были убеждены в совершении Аболмасовым убийства матери и ее квартиранта, а допущенные нарушения уголовно-процессуального законодательства объясняли большой нагрузкой и неопытностью следственных работников.

По мнению Судебной коллегии, «хотя невиновный Аболмасов действительно был привлечен Щ. и К. к уголовной ответственности за преступление, которого он не совершал, однако это произошло вследствие односторонности и неполноты предварительного следствия, в результате следственной ошибки, заблуждения со стороны подсудимых, что исключает уголовную ответственность по ч. 2 ст. 176 УК РСФСР, по которой Щ. и К. подлежат оправданию за отсутствием состава преступления».

Судебный процесс в Краснодаре над бывшими работниками прокуратуры К. и Щ. остался неизвестным для большинства следователей и прокуроров страны. Тем не менее в текстах определений и приговоров по «Краснодарскому делу» практики могут найти немало поучительного для себя, дабы избежать подобных «ошибок».

Осужденный Карагодин Е. А., находясь в местах лишения свободы, организовал преступную группировку и совместно с другими заключенными совершил в апреле 1989 г. побег из места заключения, соединенный с насилием над стражей, захватом заложников и иными преступлениями. Судебная коллегия по уголовным делам Краснодарского краевого суда 19 апреля 1990 г. приговорила Карагодина Е. по ч. 2 ст. 77¹, ст. 188, 191, 218 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы. По Указу Президента РФ о помиловании от 18 июня 1999 г. Карагодин был освобожден из мест лишения свободы и проживает в Краснодаре, в одном городе с Аболмасовым Г.

Примечания к главе «Краснодарское дело»

Криминалистами, психологами и психиатрами издавна отмечено, что совершенные насильственные преступления против личности (как правило – убийства) могут сильно изменять психическое состояние виновного, способствовать поиску им выхода из такого состояния различным путем: употреблением алкоголя и наркотиков, пробуждением религиозного чувства, стремлением к самоубийству, явкой с повинной в правоохранительные органы и т. п.

Проведенный автором настоящего исследования опрос лиц, осужденных к смертной казни за совершение умышленных убийств, показал: из 53 человек 46 заявили о повторяющихся в сновидениях неоднократных сценах преступления. При этом 41 осужденный видел во сне свои жертвы только живыми²⁶.

Доктор медицинских наук В. Н. Касаткин в монографии «Теория сновидений», неоднократно издававшейся в нашей стране (1967, 1972, 1983 гг.), указывает на особенности сновидений убийц. Если преступление готовилось или длительно существовала ситуация, способствующая его совершению (ревность, вражда), то в сновидениях виновного лица проявлялся сюжет подготовки к преступлению и даже повторялся способ и вид оружия, которым замыслилось его совершение. Если же преступление совершалось неожиданно, вследствие случайной ссоры, опьянения, то криминальная ситуация проявлялась в сновидениях после деяния.

²⁶ Китаев Н. Н. Вопросы теории и практики изобличения лиц, совершивших умышленное убийство. Дис... канд. юрид. наук. Томск, 1994. С. 166.

Эти знания, полученные в результате сотрудничества автора настоящего исследования с В. Н. Касаткиным в период 1976–1994 гг., позволяли в процессе работы использовать процессуально зафиксированную информацию о сновидениях убийц для изобличения последних, когда традиционные средства доказывания были неэффективными²⁷.

Не случайно убийца Карагодин Е. на предварительном следствии и в суде пытался сделать упор на свое якобы необычное психическое состояние. Подсудимый заявил, что после убийства Аболмасовой и Ковалева он уснул, а проснувшись, увидел картину совершенного им преступления, после чего похитил 7 тысяч рублей. Но, по мнению экспертов-психиатров, эти заявления Карагодина следует расценивать как грубо установочные, носящие демонстративный характер и выдвинутые подсудимым в целях психологической защиты. Они не соответствуют клинической картине какого-либо психического заболевания. В то же время у следователей и экспертов не вызвали никаких сомнений признания Карагодина о «кошмарных снах», в которых постоянно появляются убитые им потерпевшие.

Практика автора показывает, что знание следователем особенностей сновидений насильственных преступников позволяет тактически верно вести допросы подозреваемого (обвиняемого) и получать от него объективную информацию о содеянном. В ряде случаев можно назначать и экспертизы сновидений обвиняемого. К сожалению, по делу Карагодина таких исследований не проводилось.

²⁷ *Китаев Н. Н.* Экспертиза сновидений серийного убийцы как средство доказывания вины // Дальневосточные криминалистические чтения. Вып. 4. Владивосток, 1999. С. 105–107; *Сергеев К.* Судебный процесс... по сновидению // Союз. 1990. № 28. С. 23; *Самойлов А. П.* Так называемый секс. Л., 1991. С. 106; *Комаров А. В.* Жертвы приходят во сне // Труд. 1992. 25 августа; *Касаткин В. Н.* Пожары во сне и наяву // Соц. индустрия. 1988. 14 февр.

Глава 3

Свердловские эпизоды

29 апреля 1982 г. во второй половине дня в лесу на 8-м километре Старого Московского тракта Верх-Исетского района г. Свердловска, недалеко от автобусной остановки «Контрольная» и гаражей Управления общественного питания была изнасилована и задушена 11-летняя Лена М., возвращавшаяся со школьных занятий.

Раскрытием этого преступления занялась оперативно-следственная группа; особое внимание уделялось проверке лиц, ранее судимых за насильственные преступления.

5 мая 1982 г. по заявлению жительницы Свердловска О. за покушение на ее изнасилование был задержан Хабаров Георгий, 1954 г. р., ранее три года находившийся в местах лишения свободы за квалифицированный грабеж. Он имел отставание в психическом развитии, ранее учился во вспомогательной школе, состоял на учете в психоневрологическом диспансере по поводу олигофрении в степени умеренно выраженной дебильности. В связи с сильным косноязычием и затруднениями в общении с людьми круг знакомых у Георгия был весьма ограничен.

На первом допросе, проведенном 5 мая 1982 г., задержанный собственноручно написал, что после 28 апреля он в поселке на 8-м километре не появлялся, а 29 апреля целый день находился дома. Однако «активная» работа сотрудников уголовного розыска, продолжившаяся в камере, где содержался задержанный, привела к тому, что 7 мая Хабаров заявил о своей причастности к изнасилованию и убийству Лены М. Правда, он не мог ответить на многие вопросы, например, куда он дел портфель Лены. Даже внешний вид исчезнувшего портфеля описывал по-разному. Однако следствие и суд не обращали внимания на такие несоответствия. 24 сентября 1982 г. Свердловский областной суд приговорил Хабарова к 14 годам лишения свободы. Ему вменялось изнасилование и убийство Лены М., покушение на изнасилование О. и нанесение побоев потерпевшей Г.

По тексту обвинительного заключения и приговора преступление совершено при следующих обстоятельствах. Хабаров до 22 апреля 1982 г. проживал в поселке «8-й километр Старого Московского тракта» Свердловской области. После освобождения из мест лишения свободы он, как инвалид 2-й, а затем 3-й группы, трудился непостоянно, а с декабря 1981 г. вообще нигде не работал, имел склонность к употреблению спиртных напитков. После переезда на новую квартиру Хабаров продолжал посещать знакомых по прежнему месту жительства. 29 апреля около 18 часов, находясь в поселке в нетрезвом состоянии, он заметил школьницу М., возвращавшуюся домой по лесной тропинке. С целью изнасилования Хабаров схватил девочку, увел в сторону, где изнасиловал, а затем задушил имевшимся на потерпевшей пионерским галстуком, после чего перенес труп в ельник и замаскировал его ветками. В суде Хабаров виновным себя признал полностью.

22 ноября 1982 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР рассмотрела данное дело по кассационным жалобам Хабарова и потерпевшей М. (матери убитой девочки). Осужденный заявлял, что не помнит своих действий в момент совершения преступления и считает себя душевнобольным. Потерпевшая М. просила отменить приговор за мягкостью и назначить исключительную меру наказания. К своей жалобе она приложила коллективное письмо работников одного из предприятий г. Свердловска с требованием о назначении Хабарову смертной казни. Приговор Свердловского областного суда отменили и дело направили на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд, но в ином составе.

Теперь Хабаров утверждал, что 29 апреля 1982 г. вообще не был в поселке, никакого отношения к изнасилованию и убийству Лены М. не имеет, на изнасилование О. не покушался;

в процессе следствия оговорил себя под влиянием физического и психического насилия со стороны работников правоохранительных органов.

Суд отметил, что кассационная жалоба Хабарова и последующие два его заявления, в которых оспаривались прежние признательные показания, были составлены с участием его сокамерника Сыромятникова, фамилию которого подсудимый отказывался сообщать. По мнению суда, «этого не могло бы быть, если бы Сыромятников только оказывал помощь в изложении фактических обстоятельств, а не с целью запутать дело».

Приговором судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 23 марта 1983 г. Хабаров Г. Л. был признан виновным в изнасиловании и убийстве Лены М., других инкриминируемых преступлениях и осужден к смертной казни. Приговор приведен в исполнение 27 апреля 1984 г.

В основу приговора были положены следующие доказательства:

1. Показания Хабарова про обстоятельства изнасилования и убийства Лены М., данные им на предварительном следствии и в первом судебном заседании.

2. Протокол опознания Хабаровым потерпевшей по ее фотографии.

3. Показания свидетелей Вторых и Енковой о том, что Хабаров во второй половине дня 29 апреля 1982 г. находился поблизости от места убийства Лены М.

4. Показания малолетнего свидетеля Яшкина Олега, заявлявшего, что видел Лену М. 29 апреля в 17 час. 40 мин., когда она шла от автобусной остановки «Контрольная».

5. Заключение судебно-биологической экспертизы о возможной принадлежности Хабарову спермы, обнаруженной в пятне крови на бедре потерпевшей, а также о возможном происхождении от Хабарова волос, найденных на одежде и теле девочки.

6. Заключение криминалистической экспертизы о нахождении на брюках и пиджаке подсудимого волокон, сходных с волокнами ткани пионерского галстука и одежды Лены М.

7. Заключение криминалистической экспертизы о нахождении в подногтевом содержимом Лены М. волокон, сходных с тканью брюк Хабарова, а у последнего в подногтевом содержимом – волокон, сходных с тканью фартука и платья потерпевшей.

8. Заключение криминалистической экспертизы о присутствии на одежде Хабарова и потерпевшей Лены М. одинаковых частиц растений.

Дело Хабарова, как впоследствии выяснилось, представляло классический пример обвинительного уклона, десятилетиями формировавшегося в правоприменительной деятельности следственных и судебных органов СССР. Об этой порочной практике конкретно высказался кандидат юридических наук, бывший начальник Главного управления уголовного розыска МВД России Н. П. Водько:

«В 70-х – начале 80-х годов в стране сложилась порочная правоприменительная практика использования понятия достаточности доказательств, в том числе и по делам об убийствах. В основу этого критерия ложились признательные показания обвиняемых, “подкрепленные” косвенными доказательствами, например, сравнительным анализом микрочастиц, совпадающих по родовым признакам. Это и приводило к трагическим ошибкам... Стало правилом: возбужденное уголовное дело должно закончиться только предъявлением обвинения, ибо его прекращение считалось браком в работе. Подозреваемый по делу должен быть привлечен к уголовной ответственности и, как правило, арестован. Арестованный не мог быть оправдан судом, осуждение находившегося под стражей лица к наказанию, не связанному с лишением свободы, тоже считалось браком в работе. С недопущением такого “брака” боролись на всех этажах служебной иерархии – милиция и следствие, прокуроры и, конечно, последняя инстанция – суды. Создавалась круговая порука, при которой каждый орган не поправлял друг друга, а “затушевывал” и “замазывал” ошибки и нарушения закона, допущенные другим»²⁸.

²⁸ Водько Н. П. Почему так долго искали Чикатило... М., 1996. С. 41.

Эта цитата из книги знатока, проработавшего в милиции свыше 40 лет, объясняет тот конвейер следственно-судебных ошибок, которые повторялись из года в год по всей стране. Книга генерал-майора милиции Н. П. Водько представляет немного переработанный вариант его записок, изданных в 1994 г. закрытым журналом МВД РФ, с изменением некоторых фамилий и пропуском подробностей оперативной работы. Можно полностью согласиться с мнением этого профессионала, что «под знаком пресловутого обвинительного уклона сформировались многие поколения работников милиции, прокуратуры, судов. И сегодня еще трудно говорить о том, что мы освободились от его зловещего влияния. Полное его преодоление возможно только после серьезного реформирования органов безопасности, милиции, следствия и судебной системы. Но чтобы обеспечить практику объективного и беспристрастного судопроизводства, нужны годы, замена старого поколения служащих уголовной юстиции, нужны новые кадры, подготовленные на основе обновленного уголовно-правового и процессуального законодательства»²⁹.

Уголовное дело Хабарова, как потом установили, наглядно опровергало теоретические постулаты советской криминалистики: «Информация, содержащаяся в отдельном источнике, может быть искажена или фальсифицирована. Фальсификация же или однозначное искажение отражаемого процесса в системе источников невозможны»³⁰.

В то время как осужденный Хабаров содержался в камере смертников, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 10 мая 1983 г. оставила без изменения вынесенный ему смертный приговор. Однако в лесном массиве Верх-Исетского района г. Свердловска, близ Старого Московского тракта, в районе автобусной остановки «Контрольная» продолжались нападения на школьников и молодых женщин.

Так, 7 августа 1983 г. в район остановки «Контрольная» направилась заниматься спортивным бегом студентка Я., но в общежитие не вернулась. Позднее ее обнаженный труп обнаружили в кустах недалеко от гаража, где была ранее убита Лена М.

11 мая 1984 г., через две недели после расстрела Хабарова Г. Л., не вернулась домой из школы пятиклассница Наташа Л.

На следующий день ее обнаженный труп нашли в кустах в 600 м от гаражей Управления общественного питания.

6 мая 1985 г. учащаяся ГПТУ Д. уехала в лес к остановке «Контрольная» для занятия живописью и назад не вернулась. Ее обнаженное тело обнаружили 17 мая в 400 м от гаражей Управления общепита и «Контрольной».

26 мая 1986 г. студентка медицинского института Т. исчезла в этом же районе, а 28 мая вблизи гаражей Управления общепита нашли ее обнаженный труп, прикрытый ветками.

После убийства Т. на территории, прилегающей к местам совершения указанных преступлений, проводился комплекс поисковых мероприятий. Осуществлялось патрулирование нарядов милиции, устраивались засады в лесной местности. Однако 22 мая 1987 г. на железнодорожных путях близ грузовой площадки Верх-Исетского завода была убита при аналогичных обстоятельствах 19-летняя учащаяся ГПТУ Елена К., чей обнаженный труп нашли спрятым в кустах.

В 1988 г. старший следователь по особо важным делам при прокуроре РСФСР В. И. Пантелей, работая по перечисленным уголовным делам, придет к выводу, что имелись веские основания для выдвижения версии о совершении этих убийств одним лицом:

1. Все убийства совершены одним и тем же способом – удушением путем сдавливания дыхательных органов потерпевшей руками и мягкой петлей.

²⁹ Там же. С. 41.

³⁰ Колдин В. Я. Уровни уголовно-процессуального доказывания // Сов. государство и право. 1974. № 1. С. 87.

2. Все преступления совершены на ограниченном участке местности в дневное время и сопряжены с изнасилованием потерпевших.

3. Во всех случаях имелись следы, указывающие, что преступник перемещал трупы потерпевших к местам их сокрытия путем волочения, удерживая за руки и плечи.

4. Тела потерпевших оставались в кустах и прикрывались снятой одеждой или ветками деревьев.

5. На момент обнаружения трупы Д., К., Л., Т. и Я. были обнажены частично или полностью.

6. Убийства Д., К., Л. и Т. сопровождалось надругательством над трупами, выразившимся во введении в половые органы потерпевших на значительную глубину посторонних предметов (палок и веток). У К. и Т. одинаковым способом были отчленены соски молочных желез.

7. Преступник принимал меры к сокрытию одежды и предметов, находившихся у потерпевших, похищались ценные вещи и украшения.

Однако, как уже говорилось, за совершение убийства Лены М. при массе невыясненных обстоятельств дела был осужден и расстрелян олигофрен Хабаров. За совершение убийств Я. и Л. в 1983–84 гг. был арестован страдавший олигофренией Титов. Можно только догадываться, какие «способы воздействия» применялись к нему, ибо признания Титова не соответствовали фактическим обстоятельствам данных деяний. Реализация раскрытия «объектовых» дел произошла в упрощенном виде: Титов был жестоко избит сокамерниками и скончался в больнице СИЗО, а прокуратура прекратила дела по гибели Л. и Я. «за смертью обвиняемого». Начальника СИЗО без огласки сняли с должности.

Попытка раскрыть убийство Д. обернулась арестом в 1986 г. некоего Антропова, который более 7 месяцев находился под стражей, пока в Свердловск не приехала работница Прокуратуры РСФСР Л. Баграева. Выявленные ею ошибки и грубые просчеты следствия вынудили местных правоведов прекратить уголовное дело в отношении Антропова «за недоказанностью».

25 апреля 1988 г. днем в Центральном парке культуры и отдыха г. Свердловска работник милиции совместно с водителем автомашины задержали человека, прятавшего труп молодой женщины. Это был печатник типографии «Уральский рабочий» Н. Б. Фефилов, ранее не судимый, имевший семью и положительно характеризовавшийся. После доставления в Октябрьский РОВД г. Свердловска у Фефилова в присутствии понятых изъяли принадлежавшие Б. часы, кошелек с деньгами и другие вещи. Задержанный признался, что напал на потерпевшую с целью изнасилования, в процессе борьбы задушил Б., завладел ее ценностями.

На допросах Фефилов признал факты совершения им вышеуказанных убийств с 1982 г. (Л., Я., Д., Т., К., а также Лены М., по делу которой был казнен Хабаров). В связи с этим по делу об убийстве М. возбудили расследование по вновь открывшимся обстоятельствам, порученное работнику Прокуратуры РСФСР В. И. Паршикову. Остальные 6 дел об убийствах объединили в одном производстве под руководством старшего следователя по особо важным делам при прокуроре РСФСР В. И. Пантелея.

В. И. Паршиков перепроверил каждый довод следствия и суда по архивному уголовному делу расстрелянного Хабарова. При этом опытнейший криминалист пришел к выводу: «Детальный анализ показаний Хабарова в сопоставлении с материалами дела свидетельствует, что он не знал обстоятельств совершения убийства М.».

Так, в «признательных» показаниях Хабарова не соответствовали действительности: цвет белья потерпевшей Лены М., некоторые детали ее одежды и описание ее внешности; время совершения преступления; место совершения преступления и способ перемещения тела девочки, а также место оставления ее трупа.

Следователь В. И. Паршиков установил, что работники органов дознания и следствия, будучи убежденными в виновности Хабарова, односторонне собирали доказательства по делу.

В тех случаях, когда подозреваемый при выходе на место происшествия не мог показать то, что подтверждало бы его виновную осведомленность, протоколы проверки показаний в уголовное дело не подшивались.

Уровень психического развития Хабарова, особенности его личности были удобны для внушения допрашиваемому нужных следствию ответов, которые звучали односложно, приравнивались к смыслу уточняющих вопросов следователей.

Оказалось, что перед получением «признательных» показаний от инвалида Хабарова его интенсивно допрашивали в ночное время сотрудники уголовного розыска Кабанов и Широков. Оpozнание Хабаровым потерпевшей Лены М., проведенное по ее фотографии помощником прокурора г. Свердловска Туфляковым, не могло считаться доказательственным: сотрудники милиции задолго до опознания уже показывали подозреваемому фотографию Лены, которую затем наклеили на фототаблицу и представили Туфлякову для официального опознания. В. И. Паршиков установил, что Хабаров действительно не был 29 апреля 1982 г. в поселке «8-й километр Старого Московского тракта», а допрошенные по этому поводу свидетели добросовестно заблуждались, и их показания корректировались следователями при допросах.

Кроме того, В. И. Паршиков скрупулезно перепроверил доводы суда о «изобличающих» Хабарова заключениях экспертиз, при этом выявились скандальные ошибки. Так, экспертом-биологом В. В. Кузнецовой ранее давалось заключение: кровь потерпевшей Лены М. относится к Oab – I группе. При дополнительном расследовании повторные экспертизы установили, что кровь девочки относится к III группе (Ba), как и у Хабарова. Таким образом, при исследовании спермы, обнаруженной в пятне крови на бедре трупа М., эксперт Кузнецова установила не группу спермы преступника, а настоящую группу крови потерпевшей.

Экспертное исследование Кузнецовой волос, обнаруженных при осмотре трупа и одежды М., оказалось немотивированным, содержащим серьезные ошибки и упущения. Например, один из объектов исследования, признанный «волосом человека», при повторной экспертизе определен как волос домашнего животного.

Спустя 6 лет после убийства Лены М. в рабочем столе эксперта Кузнецовой обнаружались волосы – улики по данному делу, а также образцы волос Лены М. и Хабарова, которые ранее не были приобщены к уголовному делу. Эти объекты вместе с образцами волос подозреваемого Фефилова направили на комиссионную экспертизу в бюро Главной судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РСФСР. Выяснилось, что три волоса-улики с фартука М., ранее исследованные экспертом Кузнецовой, не исключавшей их происхождение от Хабарова, оказались имеющими II группу (как у подозреваемого Фефилова). А 5 волос-улик, которые прежняя экспертиза не исключала своим происхождением от Хабарова, могли по серологическим и морфологическим признакам принадлежать самой потерпевшей М.

Эксперт В. В. Кузнецова признала, что в 1982 г. имела небольшой опыт работы, отчего при исследовании биологических объектов по делу об убийстве Лены М. допустила ошибки и дала неверные заключения. Уже после того как по делу стал отрабатываться арестованный Фефилов, Кузнецова нашла ранее исследованный ею образец сухой крови М., провела его повторное исследование с применением полного набора нужных сывороток и убедилась, что кровь Лены М. относится к группе Ba, а не к Oab, как она определила в 1982 г.

Одинаковые частицы растений, обнаруженные в 1982 г. на одежде потерпевшей и Хабарова, не могли рассматриваться как улики, поскольку данные фрагменты, по заключению экспертов, имеют широкое природное распространение.

На момент расследования «дела Фефилова» одежда Хабарова и Лены М. оказалась утерянной. Но следователь В. И. Паршиков сумел назначить по имеющимся материалам дополнительную криминалистическую экспертизу. По ее заключению, микрочастицы волокон, обнаруженные в подногтевом содержимом Хабарова и М., а также на их одежде, имеют только родовое сходство и широко распространены во всех видах тканей. Групповые и индивидуаль-

ные свойства этих микрочастиц при исследованиях не выявлены. Таким образом, оказались несостоятельными и эти «улики», послужившие основанием для осуждения Хабарова.

В. И. Паршиков проанализировал показания Фефилова по эпизоду изнасилования и убийства им девочки в конце апреля 1982 г. близ автобусной остановки «Контрольная». Подозреваемый воспроизвел на месте происшествия обстоятельства содеянного, что зафиксировали видеосъемкой. Место сокрытия трупа М. и его поза полностью соответствовали тем параметрам, что отражены в протоколе осмотра от 30 апреля 1982 г.

Если Хабаров не мог ответить на вопрос – куда он дел школьный портфель потерпевшей, называл различные версии исчезновения портфеля, то Фефилов после своего задержания четко объяснил: портфель потерпевшей им был брошен в туалет, расположенный на территории автобазы. Из портфеля Фефилов взял и принес домой для своих детей два учебника и пенал. Спустя 6 лет после гибели Лены М., 29 апреля 1988 г., при обыске на квартире Фефилова изъяли школьный пенал, внутри которого на подкладке обнаружили написанную фамилию потерпевшей М. – владелицы пенала.

Жена и дочь Фефилова подтвердили, что он принес этот пенал домой в 1982 г., отмывал его от имевшихся записей. Почерковедческая экспертиза установила, что фамилия М. на подкладке пенала исполнена рукой потерпевшей Лены М., а ее мать опознала пенал как принадлежавший ее погибшей дочери. Эксперты восстановили на нем и некоторые другие записи, сделанные Леной М. незадолго до ее убийства.

При осмотре туалета, указанного Фефиловым, был найден школьный портфель потерпевшей М. При обыске в квартире Фефилова были обнаружены вещи, принадлежавшие другим потерпевшим, похищенные им после совершения нападений. Это: фломастеры погибшей Лены М.; кулон с обрывком цепочки, кольцо и медицинский скальпель потерпевшей Д.; часы «Электроника-5» с металлическим браслетом и золотое кольцо с камнем, принадлежавшие потерпевшей Т. Вещи были опознаны близкими потерпевших. Родственники Фефилова дали показания, что он приносил названные предметы в периоды, соответствующие времени убийств данных потерпевших. Кроме того, спортивные брюки потерпевшей Т. были изъяты при обыске на рабочем месте Фефилова в типографии «Уральский рабочий».

Старший следователь по особо важным делам Прокуратуры РСФСР В. И. Пантелей, прежде чем допрашивать Фефилова, сам неоднократно изучал местность близ остановки «Контрольная» и другие места, где были обнаружены трупы, которые Фефилов называл «своими». Следователь сравнивал увиденное с содержанием протоколов уголовных дел, допрашивал свидетелей, и уже после этого проводил детальные допросы самого Фефилова по каждому эпизоду. Типографский рабочий демонстрировал хорошую память и явную виновную осведомленность. Он описывал внешность своих жертв, подробно рассказывал про обстоятельства совершенных преступлений, что совпадало с имевшимися доказательствами. При выходах на места происшествий Фефилов точно называл время и место содеянного. Его изобличали экспертизы биологических выделений, следов обуви на местах преступлений и другие улики. Однако предъявить Фефилову обвинение в окончательном варианте не удалось. 30 августа 1988 г. в камере № 232 следственного изолятора № 1 г. Свердловска он был задушен сокамерником Карпенко Н. П., 1963 г. р., «на почве неприязненных отношений».

Животновод совхоза «Первоуральский» Карпенко содержался в СИЗО с июня 1988 г. за совершение изнасилований, развратных действий, мошенничество, самовольное присвоение себе власти работника милиции, ношение холодного оружия. В камере, кроме него и Фефилова, находились еще трое человек. Показания Карпенко в судебном заседании по эпизоду убийства Фефилова изложены в приговоре следующим образом: «Содержась в одной камере с Фефиловым, который обвинялся в совершении убийств, сопряженных с изнасилованием молодых девушек, он (Карпенко. – *Авт.*) раздражался, когда последний рассказывал о своих жертвах. 30 августа 1988 г. у него с Фефиловым состоялся разговор, в ходе которого он расска-

зал, что его жена проживает с другим человеком, Фефилов посоветовал ему задушить жену. Тогда он развязал с ним драку, несколько раз ударил его, но сокамерники их растащили. Чтобы как-то объяснить телесные повреждения у Фефилова, он его заставил писать записку, что тот пытался повеситься, но Карпенко ему помешал и избил его за это. Фефилов написал записку, а Карпенко для правдоподобности ситуации привязал его руки к кровати и к батарее. Фефилов при этом не сопротивлялся. Затем он подсел к Фефилову на кровать, набросил ему на шею веревку, которую накануне Головин (сокамерник. – *Авт.*) ему сплел для вещмешка, и стал сдавливать шею Фефилова, пока последний не умер. Остальные сокамерники в преступление не вмешивались».

Убийство серийного сексуального маньяка оказалось большой неожиданностью для следствия. В Свердловск из Москвы немедленно вылетел начальник следственной части Прокуратуры РСФСР Е. К. Лисов, прибыла комиссия МВД СССР. Были установлены серьезные упущения работников СИЗО, нарушения ими порядка надзора за арестованными лицами. Возникла версия о «заказном» характере убийства Фефилова, отчего Н. П. Карпенко этапировали в столичный следственный изолятор. Убийца упорно твердил о неприязни к сокамернику и о том, что ему никто не помогал в совершении расправы. Однако анализ материалов уголовного дела позволяет полагать, что Карпенко воспользовался помощью сокамерников при исполнении убийства, но «взял на себя» все его совершение. Вот как описан этот эпизод в приговоре народного суда г. Первоуральска:

«Что касается эпизода убийства Фефилова, то судом, кроме показаний Карпенко, исследованы следующие доказательства. Свидетель Тропин показал суду, что он, Тебеньков,

Головин, а также Карпенко и Фефилов содержались в одной камере № 232. 30 августа 1988 г. Карпенко с Фефиловым о чем-то разговаривали, а затем Карпенко стал бить Фефилова, они схватились, но Тебеньков и Головин их разняли. Фефилов лег на кровать, а Карпенко стал требовать от него записку, чтобы как-то оправдаться перед администрацией за драку, Фефилов под диктовку Карпенко написал записку, что он сам пытался повеситься, но Карпенко не дал ему этого сделать и побил его. Для того чтобы все выглядело правдоподобно, Головин порвал полотенца и дал Карпенко, чтобы он связал Фефилова. Карпенко привязал его к кровати, последний не сопротивлялся. Считая, что все успокоилось, он, Тропин, залез на верхнюю кровать. Карпенко попросил Головина постоять у смотрового отверстия, что он и сделал. Затем Головин стал ему показывать знаками, что Карпенко душит Фефилова... Сами они вмешиваться боялись, так как Карпенко был очень раздражен. Он слышал, как Фефилов захрипел. Потом Карпенко выпрямился и сказал, что задушил Фефилова. Задушил он его веревкой, которую накануне они помогли ему сплести для вещмешка. Испугавшись происшедшего, по просьбе Карпенко он бросил в унитаз веревку.

Аналогичные показания дал свидетель Тебеньков, пояснивший, кроме того, что в момент убийства он спал. Разбудил его Карпенко после убийства. Тебеньков также пояснил, что последнее время перед убийством Карпенко был раздражен тем, что его подозревают в убийстве, которое он не совершал, говорил об измене жены, злился на Фефилова за его рассказы о преступлениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.